

УДК 821.161.1.0

МОТИВ ВОСПОМИНАНИЙ О ДЕТСТВЕ И РОССИИ В ПРОЗЕ И. С. ШМЕЛЕВА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

Шестакова Е. Ю.

*Центральная библиотека им. Н. В. Гоголя, Северодвинск, Россия
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru*

В статье раскрываются особенности художественного воплощения мотива воспоминаний о детстве и России, который получил широкое развитие в произведениях писателя первой половины XX века Ивана Сергеевича Шмелева. Аналитическим материалом исследования послужили рассказы «Как мы летали», «Весенний плеск», «Миша», «Яичко», очерк «Христова всенощная», роман «Няня из Москвы», относящиеся к периоду эмиграции и созданные писателем в 1923–1936 гг. Художественные тексты, избранные для литературоведческого анализа, содержат темы, образы и эпизоды, решенные в ключе мотива воспоминаний о детстве и Родине. В ходе исследования установлено, что мотив воспоминаний в избранных произведениях особенно тесно связан с образами детства, русского пейзажа, русского народа, пасхального яйца, темами православной веры, Пасхи, мотивом воскресения, размышлениями о смысле человеческих страданий и значении революционных событий в России. В представлении И. С. Шмелева тема детства неразрывно сопрягается с религиозной проблематикой. В завершение обоснованы выводы о том, что память о детстве и горячо любимой Родине является для автора вечной ценностью, заключающей непреложное духовно-нравственное значение.

Ключевые слова: мотив воспоминаний, тема детства, образ России, И. С. Шмелев, произведения о детстве, образ ребенка, русская литература

ВВЕДЕНИЕ

Жизненный и творческий путь Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) тесно связан с историческими процессами, происходившими в России в 1917 г. Первоначальное восторженное принятие революции сменяется полным ее отвержением после встречи в Сибири с возвращающимися из ссылки политкаторжанами. Писателю «открывается подлинный, страшный лик революции», что стало «причиной перелома в (его – Е. Ш.) мировоззрении и идеологических ориентациях» [6, с. 12]. Уехав с семьей в 1918 г. в Алушту, И. С. Шмелев переживает там страшные события – террор, ежедневные смерти окружающих людей, голод, утрату горячо любимого единственного сына. Рассмотрению переломного для писателя крымского периода посвящены многие научные работы, среди которых мы бы выделили статьи Л. М. Борисовой и Л. А. Ореховой [1, 10, 11]. В Крыму писатель решает покинуть советскую Россию, выехав в ноябре 1922 г. в Берлин, а чуть позже переселяется в Париж. Ощущение острой тоски по Родине и оставленных там дому, родным, друзьям, знакомым вызывает в сознании И. С. Шмелева неиссякающий поток воспоминаний и желание описать их в своих произведениях. «Ностальгический период» [15, с. 162] творчества И. С. Шмелева характеризуется появлением целого ряда произведений, объединенных мотивом воспоминаний о России, тесно смыкающимся с образом детства: рассказы «Как мы летали» (1923), «Весенний плеск» (1925), очерк «Христова всенощная» (1927–1928), рассказы «Миша» (1928), «Яичко» (1929), роман «Няня из Москвы» (1936).

Творчество И. С. Шмелева явилось продуктивным этапом развития, модернизации предшествовавшей русской литературной традиции, и в особенности это касается темы детства. Писатель развивает традицию литературного осмысления темы детства, заложенную еще в XIX в. Л. Н. Толстым, С. Т. Аксаковым, А. И. Герценом, К. Н. Станюковичем, Н. Г. Гариним-Михайловским и др., о чем уже говорили исследователи [2, 9, 14, 17, 18, 19]. И. С. Шмелев продолжил начатые литературными предшественниками сосредоточенные художественные поиски, и самобытный талант писателя позволил придать теме детства оригинальное, неповторимое звучание.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

«Как мы летали» составляет с дореволюционными рассказами «Светлая страница» (1910) и «Рваный барин» (1911) «своеобразную трилогию, несмотря на то что написаны они в разное время и каждый рассказ имеет свою законченную сюжетную линию» [8, с. 23]. Произведения объединяют «родственная повествовательная структура, <...> повторяющиеся герои» и «двуслойная структура времени: пласты тесно переплетаются: взрослый повествователь как бы воскрешает в себе ребенка, а ребенок, открывая свои впечатления, неожиданно включает в повествовательное поле размышления себя взрослого» [8, с. 23]. При этом эмигрантский рассказ отличается более выраженной трагической направленностью, звучащая в эпизоде наказания детей, в котором проявляются тема «жизни – смерти» и мотив горестного отчаяния маленьких героев.

Мотив воспоминаний о детстве задается в подзаголовке к рассказу («Из воспоминаний приятеля») и первоначальных строках: «Теперь я хорошо вспомнил прошлое» [24, с. 246]. Также в начале задается время действия произведения: «Было это на Пасхе» [24, с. 248]. Фраза «Я снова маленький» [24, с. 246] очерчивает границу, которую взрослый повествователь не решается переступить, замолкает и дает возможность рассказывать об основных событиях ребенку (себе в детстве). С этого момента изменяется язык рассказа, преобразуясь в речь героя-ребенка, наполняется характерными словами и выражениями, создающими комический эффект («у Васки были сапоги – со скрипом, на гривенник скрипу в них было; даже собаки пугались», «белые голодные зубы, которые всегда что-то грызут», «мы их и съели, кокнув о тумбочку», «выскочил, как пробка из пистолета», «Драп ржал, как жеребенок», «Пошли глазеть на зверей» [24, с. 246–250]). Вместе с тем «голос» взрослого повествователя иногда слышен в общем потоке детской речи, подчеркивая ведущий мотив текста – воспоминания автора о собственном детстве и утраченной России (Мы живем на большом дворе, – его уже нет теперь!); «Пасха, милая, далекая Пасха! красные скорлупки, по-особенному радостные, лотки с апельсинами, треск пистолетиков, гнусавый писк жестяных дудок, пиликающие гармоньи приодевшихся и уже захмелевших мастеровых! Чудесно! Праздник!» [24, с. 246, 250]).

Каждому из своих друзей герой-ребенок дает меткие характеристики, полные искрометного юмора: «Васька – сын сапожника Прохора, с нашего двора. Ему лет девять, он на целую голову выше меня и такой тонкий, что может быстро пролезать

в подворотню. <...> Драп в науке у Прохора: учиться сучить драпву и носить сапоги заказчикам. Он еще выше Васьки, мордастый, кулаки у него железные, а грудь чугунная. Он часто выпячивает ее и предлагает “попробовать” [24, с. 246–247]. Повествование маленького героя включает в себя многочисленные рассказы о прошлых и настоящих проказах своих закадычных друзей: Драп насыпал «барину» навозу на шляпу-цилиндр и украл медовые пряники у старичка-лавочника; Васька постоянно попадает в неловкие ситуации (кто-то ударяет его утюгом по лбу или возводит несправедливое обвинение в краже яиц). Эти перечисления забавных происшествий передают очарование детской природы, проявляющейся в яркой жизнерадостности, избытке сил, непосредственности поведения и естественности чувств. Взрослые находятся в постоянном конфликте с юными озорниками, «лавочник, старичок Трифоныч, предсказывал <...> горькое будущее: – Уж и выйдет из тебя пе-рец!», дворник Гриша грозился наказать своей метлой, «старичок в очках ухватил за ухо» Драпа, пугающего филина в Зоологическом саду, с «площадки, где было много столиков», мальчишек «выгнали салфетками, а какой-то толстяк во фраке пообещал нарвать уши» [24, с. 247–257].

Описание отношений в мальчишеской компании носит характер правдоподобности, писатель живописует законы детской «божбы»: «Тут уж мы не поверили, но Копченый так принялся божиться, так стучал себя в грудь кулаком, что Драп задумался и велел мальчишке поцеловать крест. Мальчишка поцеловал. Тут все поверили. Драп погрозил ему кулаком, если надует, и побежал с Васькой готовиться в дорогу» [24, с. 248]. Автор дословно приводит слова детской песенки, которую «Драп лихо гикал и напевал <...>: Эх, шильце в руках, / Щетинка в зубах, / Сам при хвартуке!», передает особенности речи детей из народа («– Обей вы дураки! – сказал Драп», «пешком дойти можно?»), детские «дразнилки» («– Э, трусишка <...> барин, кошку жарил!») [24, с. 249–251]. Шмелев изобразил детей в момент открытия ими окружающего мира – нового, удивительного, необыкновенного. Так, Драп «не отрываясь смотрел, как слоны вытягивали хоботы и брали ситнички», «смотрел, зачарованный, и все повторял: – Как жрут-то! А слоны глотали и глотали ситнички, словно работали машины. Драп выставился вперед, положил подбородок на перильца и все смотрел» [24, с. 253]. Уникальный талант художника слова позволил писателю показать своих юных героев, предстающих живыми, подлинными, настоящими.

Радость детей не затмевает понимание бедности и убогости их одежды («Он был уже совсем наготове: надел старый, обсаленный сюртук без пуговиц, до самых пяток, подаренный ему хорошим заказчиком, – совсем как пальто! – надел новый картуз за три гривенника, сползавший ему на глаза, и выполоскал в луже опорки. Васька был очень нарядный: был он в пиджаке до колен и с длиннейшими рукавами, так что мог даже хлестаться, в сапогах со скрипом на гривенник, а на голенища выпустил гороховые штаны» [24, с. 246–249]), постоянное чувство голода, они беспечны, веселы и счастливы просто от того, что живут, а их представления о чистоте и нарядности собственных одеяний просты и невинны, как и они сами.

Время описываемых событий – Светлая Пасха – соотносится с радостным и безмятежным мироощущением детей, пребывающих в состоянии полной гармонии с окружающим Божиим миром. Природные образы ярко сияющего солнца и зеленых

березок в саду, осененных звоном храмовых колоколов, рисуют благодатный земной мир, ассоциативно связанный с образом райского Эдема. Герои-дети живут как первые люди, стараясь не замечать невзгод и противоречий действительности.

Эпизод, описывающий быстрый, легкий, летящий бег детей, искренне радующихся жизни и красоте Божьего мира, содержит образы-мотивы «перезвона с колоколен», «цветных гроздей шаров», «празднично висевших сахарных яичек» [24, с. 247]. Этот образный ряд органично встраивается в следующий за ним образ-воспоминание «нового сада» с «желтенькими дорожками», «зеленеющей травой», «сверкающим прудом» и «шустро перепархивающими птицами» [24, с. 251]. Автор воссоздает образ «детского» сада-рая, где радуются и наслаждаются жизнью вместе дети из простого народа и дети «господ» в «красных и синих шапочках и чистеньких пальтецах с якорьками» [24, с. 252].

Образ пасхального яйца играет ключевую роль в идейно-художественном содержании произведения. Отдельно отметим, что этот образ является сквозным для творчества И. С. Шмелева, он встречается в романе «Лето Господне», рассказе «Яичко». С пасхальными яйцами в тексте связана яркая, разноцветная колористическая гамма и мотив солнечного света: «горки красных и лиловых яиц, на которых играло солнце!» [24, с. 250]. Яички визуально и содержательно смыкаются с образами воздушных шаров: «Они так ярко сквозили на солнце, красные, синие, шуршали бочками <...>» [24, с. 250]. Пасхальные яйца и шары – важные атрибуты Светлого Праздника, воплощающие представление о радости, счастье, беззаботности детства. Обонятельные ощущения, превалирующие в восприятии героем-ребенком окружающего мира, соединяются с эмоциями «радостного праздника», пахнущего «чем-то неуловимым», и этот запах «теперь еще (для взрослого автора. – Е. Ш.) напоминает весну, синее небо и балаганы под Девичьим» [24, с. 250].

Животные наравне с детьми включаются в праздничную атмосферу пасхальной радости, цирковой слон, почувствовав особую любовь и сострадание к Драпу, что-то угадав «особенное» в «плешинках» и «серых, грустных глазах» [24, с. 255] мальчика, разделяет с ним половину предложенного яичка. Слон и маленький человек угадали друг в друге «братьев» («Слон, прямо <...> по-братски!» [24, с. 256]), дети и животные объединены Христовой любовью, не делающей различий на Своей святой трапезе.

Однако постепенно невзгоды земного мира нарушают внутреннюю райскую безмятежность детей. Поразительное открытие «о бедности» француза, которая «чего не заставит вытворять», горькое высказывание Драпа: «Эх, лучше бы и мне летать, чем в сапожниках! По крайней мере, уж либо голову сломил, либо <...>», воспоминание о горькой доле друга («И там не бьют по голове колодкой, и никто его не шпыняет там. Только теперь изба у него забита, мать померла, а всех их, пятерых братьев, роздали в люди – в сапожники и по трактирам в мальчишки») [24, с. 264, 267], несправедливое и суровое наказание матери приоткрывают перед юным героем трагизм человеческого бытия. Мечта о победе из этой жизни-неволи, где дети оказываются узниками и жертвами, беззащитными перед произволом взрослых, все больше овладевает умами мальчиков. Драп, доведенный до отчаяния, решает лучше

погибнуть во время полета на воздушном шаре, чем остаться жить в чужой семье, где его жестоко бьют, постоянно оставляют голодным и заставляют много работать.

Мир детской мечты, наполненный яркими, необычными образами (Африка, «где <...> слоны ходят под жарким солнцем, в зеленых лесах», лес, «далекое небо», «храбрые вольные французы», «веселые яркие шары», «гуляют нарядные дети под музыку, выются флаги, господа кушают за беленькими столами, звучат ясные трубы»), контрастирует с обыденным пространством «скучной, жуткой подчас жизни», состоящей из «старого двора, развалившихся сараев, угроз, криков» [24, с. 264–265]. Но жизнерадостность детства побеждает разочарование, «серость», несправедливость и жестокость окружающей реальности. Свет и чистота детства оказываются сильнее «скучной жизни», которая «опять засверкает, вот только взойдет солнце» [24, с. 268].

Мотивы воспоминаний о детстве и России организуют художественное пространство очерка «Христова всенощная», построенного как зарисовка реального события, произошедшего с писателем. А. М. Любомудров определяет, что произведение близко жанру «исповедальной прозы», в которой «писатель описывает сокровенные процессы, происходящие в его собственной душе» [6, с. 135]. Ведущим образом произведения выступает всенощная – вечерняя служба в православном храме, упоминанием о ней открывается повествование. Всенощная импонирует автору-рассказчику своим умиротворяющим воздействием на душевное состояние, проявляющимся в «утишении страстей» [23, с. 240]. Мотивы тишины («тихие песнопения»), грусти и «примирения», образ «полутемного уголка» [23, с. 240], в котором можно спокойно молиться, сопровождают образ всенощной. Вечерняя служба помогает рассказчику отбросить все суетное, «мелкое», земное, и в полной мере ощутить, что «есть иная, светлая – Божья жизнь» [23, с. 240]. Так в тексте появляются два плана – реальной действительности («горькой жизни») и инобытия («светлой Божьей жизни»). Эти два плана на протяжении всего повествования то существуют порознь, то глубоко проникают друг в друга.

Принцип контраста определяет специфику пространственной структуры очерка. Автор-рассказчик перемещается из «черного-черного осеннего вечера, с дождем», характеризуемого определением «тьма», в храм, где должна проходить всенощная, полного света («многие окна светятся в этажах») [23, с. 242] и тепла. Временная структура претерпевает изменения вместе с внешними и внутренними передвижениями повествователя, который, отстраняясь от настоящей ситуации, мысленно переносится в прошлое. В его памяти возникают картины всенощной детства, русские храмы, пространственные и временные границы раздвигаются и возносятся к понятию вечности. Всенощная служила в апостольские времена, в России детства автора, в промозгом пригороде Парижа, и это молитвенное предстояние человека перед Господом будет продолжаться всегда и никогда не закончится.

Инобытийный план воссоздается как в пространстве внутренних переживаний автора, так и в пении всенощных псалмов, постоянно прорывающихся сквозь авторские воспоминания. Возникающая духовная реальность, реализующая в многоаспектных значениях (благословенное, благодатное детство автора; вечное

всенощное служение; молитвенная душа русского народа; образ православной России), формирует особый художественный метод писателя – «духовного реализма» [3; 6]. Суть этого метода выражается в том, что «литератор нащупывает <...> возможность нового, одухотворенного реализма – того реализма, который, давая нам внешнюю правду вещей, не утаивал бы и ее внутренней сущности, раскрывал бы в отдельных явлениях общий смысл жизни» [3, с. 577].

Образ России предстает многозначным, многоплановым, он встраивается в пространственно-временной континуум прошлого, соотносимого с ушедшим детством, возникает как реальное пространство в настоящем времени – «русские дети» из приюта, «русский квартет», поющий псалмы всенощной службы, сам автор образуют малый островок соотечественников на чужбине. Православная дореволюционная Россия продолжает жить в храмах, в непрекращающихся службах, в иконе любимейшего на Руси святого Николая Угодника. Светлое, святое пространство России противопоставляется темному, черному хронотопу «чужбины». Зарубежье видится автору оплотом физического и духовного мрака, Родина – воплощением «светлой Божьей жизни».

Образ ребенка, детства обретает в тексте разнообразное воплощение, это и апостолы, слышащие обращенные к ним слова Господа: «Дети! Есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки <...>» (Ин. 21:5–7), и мальчики из приюта – «русские дети, <...> которые много претерпели в жизни» [23, с. 240]. «Христоцентричность» [5; 3] авторского мышления снимает границы, разделяющие реальное и инобытийное пространства, Господь оказывается «здесь, в этой комнате, при дороге, – Храме» [23, с. 240]. Он обращается с вопросом о «пище» ко всем Своим «детям» – и апостолам, и воспитанникам приюта, и самому автору. Ведь все они – униженные, страдающие от физического и духовного голода, потерянные, но бесконечно любящие Господа, молитвенно взывающие к Его благодатной помощи. И Господь готов всех напитать, утешить, обогреть Своей Любовью и Милосердием. В финале очерка звучит благодарность автора-повествователя Богу, который сотворил «чудо» – «коснулся его души», «явился в звуках молитв чудесных, оживотворивших душу» и привелшую сердце в «движение и трепет» [23, с. 240].

Мотив воспоминаний о детстве и русском народе является ведущим в рассказе «Весенний плеск». Начало произведения выдержано в минорных тонах, рассказчик находится «у чужой реки», окруженной «черными сучьями чужих деревьев» [20, с. 107]. Но воспоминания о счастливом эпизоде, произошедшем во время Пасхи в детстве, помогают автору преодолеть уныние и ощутить настоящую радость в день Светлого Праздника. Развитие темы счастливого детства, ключевой для данного текста, организуется повтором цветowych эпитетов «золотой», «голубой» и «белый» (небо – «золото голубое», «золотятся на ней овсинки», «золотая вода течет», «почки на них (тополях – Е. Ш.) золотятся», «белый ледок», «голубовато снежком белеет», «белые утки», «белые огоньки на них», «лужицы голубые»), использующихся при описании природы, а также мотивов света и блеска («сочится стеклянным блеском», «сверкающей сетке капель», «сыплется с крыши блеском», «тополя светлеют») [20, с. 107–108]. Природа словно нарядилась в Праздник, как и маленький герой

(повествователь в детстве), и даже цвет их одеяний одинаков: «<...> мое весеннее пальтецо, синее, с золотыми якорьками» [20, с. 108]. Образ солнца вписан в контекст праздничного состояния мира, «оно – везде»: «<...> играет в колокола, гудит, и звенит, и плещет, и хочется заплясать, запрыгать» [20, с. 108]. Мотивы радости, смеха, игры получают развитие в образах «перезвонов пасхальных», «перехода по доскам, до сада», «смеющихся колоколов, уток, кур, орущих на бревнах, кота, махнувшего на крышу в снег, голубей, вдруг взметнувшихся на хлопающих крыльях, плещущей лужи» [20, с. 109]. Возникает образ мира, в котором «все смеется, звенит, играет» [20, с. 109]. Природа, окружающие люди и предметы преображаются чудом воскресения Христа, обновляются, становятся «совсем другими»: «и сосульки, и последний снежок на крыше, и пестрые бабы за забором, в зеленых и красных юбках, <...> и лужи, и красные шары, <...> и синие <...>» [20, с. 108].

Центральный герой рассказа – Михайла, «который тесал лопаточку», сполна одаривает героя-ребенка своей любовью и радостью, «садится, будто играет в коршуна, <...> схватывает (мальчика. – *Е. Ш.*) и <...> поднимает на страшную высоту, над страшной лужей» [20, с. 108]. Ребенок ощущает огромную любовь, исходящую от искренних объятий Михайлы: «Я его очень люблю. Я закрываю глаза от ужаса, от счастья» [20, с. 109]. Сила этой любви настолько велика, что мальчик запомнит этот миг на всю оставшуюся жизнь, ощущая глубокое духовное родство «с миром русского мужика, с его лукаво-веселыми глазами, то ясными, как вода, то омрачающимися до черной мути, со смехом и бойким словом, с лаской и дикой грубостью» [20, с. 110].

Образ чистого и безгрешного ребенка, связанного с воспоминаниями автора о собственном детстве и утраченной Родине, является главным в рассказе «Миша» (вариант неоконченного романа «Кошкин дом»). «Взрослые» персонажи, окружающие трехлетнего Мишу, – няня Домнушка и конюх Антип; время создания произведения (1928 г.), избранный ракурс изображения (ориентированность на передачу точки зрения героя-ребенка) свидетельствуют о том, что рассказ, возможно, являлся небольшой художественной зарисовкой, послужившей основой для некоторых эпизодов романа «Лето Господне» (1927–1944).

В тексте автором воссоздается не только детское мировидение («Ситцевые занавески, бегают по ним собаки, летят утки, и большой человек машет из травки палкой»), но и передаются особенности детской речи («И все собаки, и утки, и много человек», «Человеков там нет, и даже дворников там нет») [22, с. 257]. Простейшие сравнения («кошка была красная, как крыша», «другая кошка, серая, как забор» [22, с. 257]) призваны показать специфику детского мышления и возможности для соотнесения цветов и предметов трехлетним ребенком.

Автор показывает наивные представления героя о доброй и злой силах, противоборствующих в мире, заимствованные из рассказов няни. В детском восприятии «звездочки – глазки Божьи», а в «Кошкином доме живут они, – надо перекреститься только! – и не надо говорить – “черти”, а так, – они» [22, с. 257]. Сведения о чертях, живущих в загадочном и страшном Кошкином доме, вызывают в ребенке сильнейшее любопытство. Диалог Миши с Домнушкой выстраивается в соответствии с «детской» логикой, где основным предметом обсуждения становится

возможность поедания чертями снега, наличие у них лежанки и способность испытывать холод. Сон «о них», которые замерзли и «просились в тепло» [22, с. 258], вызывает в Мише страх и одновременно жалость и сострадание. Любящее сердце ребенка готово приютить всех, кто мучается, и впустить в тепло своей комнатки, освещенной огоньком лампы. Даже тараканы, «спящие на столе, около кружки с квасом» [22, с. 258], находят приют в светлом, теплом мире ребенка, осененном Божьей благодатью.

Конюх Антип является непререкаемым авторитетом для Миши («Антипу все известно» [22, с. 258]), носителем знания о таинственном инобытийном мире. Он с твердой убежденностью рассказывает ребенку о «хозяине», который «приходит ночью» и «ходит у лошадей, следит, не украли ли овсеца у них» [22, с. 258]. Конюх открывает Мише традиционные народные представления о том, что обычные предметы, вещи (метла, ворота, самовар), насекомые (тараканы), животные (конь Чалый) и весь окружающий человека мир является единым живым организмом, способным жаловаться на свою судьбу, чувствовать будущие несчастья (смерти, пожары), «скучать» по убранному кресту. Эта мудрость в глазах ребенка обретает значение невероятной глубины, такой, что он сравнивает Антипа со святыми с иконок няни. Святость конюха подтверждается тем обстоятельством, что он «из уважения поднял и повесил» в конюшне медный крест и освященный подсолнух, чтобы его не затоптали [22, с. 259]. Естественное соединение в мировоззрении Антипа языческих и христианских верований неведомо Мише, ребенок лишь ощущает духовную красоту, любовь и доброту, лежащих в основе народного видения окружающего мира, где протянутый лошадям хлеб освящается крестным знаменем, а молодой конь не просто воспринимается таким же ребенком, как и человеческое дитя, но наделяется большей мудростью, дарованной Богом «для пропитания» [22, с. 260].

Мотив святости мировосприятия, характерный для сознания русского народа, нашел продолжение в рассказе «Яичко». Няня маленького героя научила его вглядываться в панорамку «сахарного яичка» и видеть там «живого ангелочка» [23, с. 196]. Детская привычка подходить к киоту, «когда бывало горе» и, вглядываясь до «счастливых слез» [23, с. 196], получать утешение и ощущать свет, исходящий от Христа, который есть Любовь, сохранилась у автора-рассказчика на всю жизнь. Исповедальный характер присущ и этому произведению, образ повествователя здесь сливается с личностью автора, выражающего собственные сокровенные мысли и переживания.

Православная Пасха, весна и детство показаны сквозь призму авторского восприятия. Повествователь выстраивает контрастную оппозицию: пространство Зарубежья противопоставляется России детства. Весна на чужбине совершенно не вызывает ощущение святого Праздника, в ней все заемное, ненастоящее, ложное: «каштаны в “свечках”» и «жесткие деревья, плачущие сажей», вместо «пушистой вербы» и «березок вольных», беспрестанный осенний дождь не предвещает появления традиционных для русской весны «снега пльвучего, криков петухов разливных, журчливых канавок под ледком» [23, с. 195]. В чужом краю «нет пробужденья, нет улыбки ясной, как у нас» [23, с. 195].

Образ русского неба в восприятии автора-рассказчика неразрывно связан с началом человеческой жизни («как полог над моей кроваткой», «свежим, все заливаешь новым»); символизм цветовой гаммы («светлое, голубоватое»), мотив света («всегда в сиянье»), образы «белых голубей» и «крестов колоколен» [23, с. 195–196] актуализируют значение святости Родины и детства. Образ неба Родины антиномичен небу Зарубежья, в основе этой противопоставленности лежит принцип «живого» («мое живое небо») / мертвого. Синэстетические ощущения повествователя («пахнет звездными ночами, мерзлым треском») [23, с. 196] дополняют картину-воспоминание.

Вопрос рассказчика о радостях детства («Где радость, заливающая сердце, – радость ни с чего как будто?») подразумевает ответ: радость в детстве ощущалась «и в щебетанье воробьев в пустых деревьях, в блеске засочневших почек, и в блеске первых камушков на мостовой, и в первых лужах, и в будто потеплевшем звоне, тающем, весеннем» [23, с. 195]. Иными словами, счастье с избытком наполняло пространство России – прекрасного благодатного Божьего мира, где воскресший Христос воспринимался как абсолютная реальность.

Образ пасхального яйца в рассказе выступает как образ-символ России и детства. В основе трактовки этого образа также лежит принцип контрастности. Мотивы темноты, тяжести, омертвелости сопровождают тему зарубежной Пасхи: «В витринах – груды яиц из шоколада, темных. Грузные они, повязанные лентами, немые» [23, с. 195]. Напротив, русское пасхальное яичко детства – «на золотом колечке и красной ленточке» – «живое», «сахарное» [23, с. 195], радостное, настоящее. Символика золотого цвета ассоциативно восходит к образу «золотого» счастливого детства, красный цвет воплощает семантику избытка и полноты жизни, свойственных мировосприятию ребенка, определение «сахарное» выражает ощущение наслаждения и радости бытия. Образ пасхального яичка детства преодолевает временные границы, вступая в пространство вечной памяти, которая будет жить всегда в душе автора: «Здесь оно, со мной. Не потускнело, не побилось, на золотом колечке, в сердце <...>» [23, с. 196]. Мотив святости яичка, детства и России становятся органической составляющей идейно-художественного содержания рассказа. Темы священной памяти о детстве и любви к России, смыкающиеся с мотивами «чудесного» и «далекого», оставленного в прошлом, но вечно живого благодаря бережно хранимым воспоминаниям, обретают в произведении особую силу художественного звучания.

В романе «Няня из Москвы» мотив воспоминаний о России становится доминантным, сквозным, определяющим основное ценностно-содержательное наполнение произведения. Роман «целиком стилизован под сказ», где рассказчик (Дарья Степановна Синицына) «несет и чисто сюжетную функцию, то есть вступает в орбиту действий с остальными персонажами как стоящий на определенной социально-профессиональной позиции», «с этой позиции он дает свое мнение и толкование тем процессам жизни, свидетелем которых он является» [16, с. 77]. Роман строится как беседа героини с бывшей знакомой «барыни», в семье которой она была няней. Перед читателем разворачиваются воспоминания Дарьи Степановны о жизни в дореволюционной России и в эмиграции.

Тема детства в романе представлена фрагментарно, ей посвящены эпизоды о детских годах Кати – воспитанницы главной героини. Няня как глубоко верующий человек старалась привить девочке любовь к православному храму и молитве, что безбожными родителями не приветствовалось и гневно отвергалось: «Они ее до ученья ни одной молитве не обучили. <...> Не смей Катюньчика глупостям учить, – барыня мне, – в молитвах твоих она все равно ничего не поймет» [21, с. 41]. Задачей матери было «сделать» из дочери «своевольного человека», который «сам всего добивается», а «не на Бога надеется» [21, с. 41]. Чистая душа ребенка доверчиво открывается в любви к Богу, маленькая Катя с удовольствием посещает церковь, куда ее водит няня втайне от родителей. Девочка уже способна понять: «<...> мамотька Боженку не любит, а мы любим» [21, с. 42]. Сознание ребенка формируется под воздействием разных мировоззрений: религиозного (со стороны няни) и светского, основывающегося на учении Ч. Дарвина (от матери). Дарья Степановна вспоминает уроки «барыни», содержавшие идеи возвеличивания человека («Все, что ни есть, он может») и одновременно уподобление его животным («И собачьи кости показывала, – одинаки, говорит») [21, с. 42].

Материнские взгляды оказались сильнее, плодами такого воспитания стало «своеволие» Кати. Девочка начинает отказываться от ношения креста, оскорблять и унижать няню («В лицо мне стала плевать», «Глупая ты, мамочка говорит, деревня ты!»), противоречить ей («Да еще спориться принялась») и даже бить («<...> по щекам хлестать», «<...> она меня прыгалкой по глазу, залился глаз») [21, с. 42–50]. В итоге из Кати выросла самолюбивая кокетка («<...> и тогда уж глазками поводила – красовалась», «<...> уж очень собой-то занималась» [21, с. 48–58]), актриса, любящая все показное, внешнее, с благосклонностью принимавшая обожание мужчин. Девушка вела себя эгоистично, мечтала о богатстве и любви окружающих, но сама не была готова отдавать свое душевное тепло и внимание. Катя, с точки зрения няни, дошла до страшного кощунства: «потешалась» над святым Иоанном Предтечей, участвуя в театральной постановке. Девушка не оценила настоящую любовь Василия Коврова, самонадеянно и высокомерно ответив отказом на его предложение.

Внутренние изменения в душе Кати начинаются после испытаний, последовавших за революцией 1917 г. Потеря родителей, необходимость самой зарабатывать, чтобы не умереть с голоду, гибель дома и необходимость расставания с родиной, потрясение от страданий белых офицеров, – все эти события становятся причиной значительных перемен в мировоззрении девушки. Она вспоминает то, чему учила ее няня в детстве, начинает посещать храм, обращается к молитве, осознает, как глубока и неподдельна к ней любовь Василия Коврова, поступает работать сестрой милосердия в Крыму. Путь Кати – это во многом путь и самого писателя, о чем очень верно сказано Е. А. Осьминой: «Горячая, искренняя вера заменила прежний “нравственный идеализм” Шмелева – таков итог свержения последнего кумира (речь идет о кумирах революции, политики, культуры. – *Е. III.*)» [12, с. 209]. В. П. Рябушинский отмечал, что поскольку «детство и отрочество Шмелева прошло под знаком духовного здоровья» [19, с. 350], это в зрелые годы помогло ему вернуться к вере и написать произведения об искренней, неподдельной любви человека к Богу.

ВЫВОДЫ

Мотив воспоминаний о детстве и России является сквозным, ведущим в эмиграционном творчестве И. С. Шмелева. Развитие этого мотива обусловлено трагическими жизненными обстоятельствами, основным из которых стало расставание с Родиной. Образ России в авторском сознании неразрывно связывается с детством, русской природой, русским народом и православной верой. Детство предстает счастливой, безмятежной, «золотой» порой, а трагические события, неизбежно сопровождающие детские годы, не затмевают радостное мировидение и мироощущение ребенка. Тема Пасхи и образ-символ пасхального яйца, смыкающиеся с темой детства и Родины, обретают значение счастья, радости, полноты бытия, избытка жизненных сил. Мотив воскресения, заключенного в пасхальной тематике, переносится на актуальное внутреннее состояние автора-повествователя, способствуя оживлению духа, угасающего в унынии и отчаянии. Художественное осмысление автором значения революционных событий в России приводит к неожиданным выводам: страдания и потрясения, последовавшие за ними, способствовали духовному возрождению русского народа. Заложенные в детстве любовь и вера в Бога помогают взрослому человеку вернуться к духовным истокам бытия и обрести душевное равновесие.

Список литературы

1. Борисова, Л. М. Публикации И. С. Шмелева в севастопольских газетах «Юг», «Юг России» [Текст] / Л. М. Борисова // Крымский архив. – Симферополь, 1994. – № 1. – С. 125–127.
2. Борисова, Л. М., Дзыга Я. О. Продолжение «золотого века»: «Пути небесные» И. С. Шмелева и традиции русского романа [Текст] / Л. М. Борисова, Я. О. Дзыга. – Симферополь: Таврический национальный университета им. В. И. Вернадского, 2000. – 144 с.
3. Дунаев, М. М. Православие и русская литература: в 6 ч Ч. 5 [Текст] / М. М. Дунаев. – М.: Христианская литература, 2001–2004. – 780 с.
4. Есаулов, И. А. Праздники. Радости. Скорби. Литература русского зарубежья как завершение традиции [Текст] / И. А. Есаулов // Новый мир. – 1992. – № 10. – С. 232–242.
5. Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе [Текст] / И. А. Есаулов. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995. – 287 с.
6. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев [Текст] / А. М. Любомудров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.
7. Любомудров, А. М. Иван Сергеевич Шмелев. Биография [Текст] / А. М. Любомудров // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 9–20.
8. Макарова, Л. А. Воцерковленная Россия в художественном изображении И. С. Шмелева: Малые жанры прозы [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.01.01 / Л. А. Макарова – Москва, 2007. – 28 с.
9. Орехов, В. В., Чжан М. «Вокруг света на “Коршуне”»: «взрослая» повесть для детей [Текст] / В. В. Орехов, М. Чжан // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2019. – Т. 5 (71). – № 2. – С. 67–93.
10. Орехова, Л. А. История профессора Голубева по архивным документам: материалы к изучению «Солнца мертвых» И. С. Шмелева [Текст] / Л. А. Орехова // Наследие

- И. С. Шмелева: Проблемы изучения издания. Сб. материалов междунар. науч. конференций 2003 и 2005 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 356–367.
11. Орехова, Л. А. «Солнце мертвых»: крымский текст и крымский архив [Текст] / Л. А. Орехова // Крымский текст в русской культуре. Материалы научной конференции. – Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006. – СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2008. – С. 190–202.
  12. Осьминина, Е. А. «Крушение кумиров» [Текст] / Е. А. Осьминина // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 198–212.
  13. Рябушинский, В. П. Детство и отрочество Шмелева [Текст] / В. П. Рябушинский // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 343–351.
  14. Савина, Л. Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в. : Л. Н. Толстой «Детство», С. Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н. Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы»: автореф. дисс ... д. филол. н. : 10.01.01 / Л. Н. Савина. – Волгоград, 2002. – 40 с.
  15. Смирнова, М. Г. Пути земные [Текст] / М. Г. Смирнова // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 134–171.
  16. Сорокина, О. Н. Творческий путь И. С. Шмелева в эмиграции [Текст] / О. Н. Сорокина // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 60–87.
  17. Цирулев, А. Ф. О жанровой специфике автобиографического цикла Н. Г. Гарина-Михайловского [Текст] / А. Ф. Цирулев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4 (46). – Ч. I. – С. 203–205.
  18. Чжан, М. Принципы циклообразования в маринистике К. М. Станюковича [Текст]: дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01 / М. Чжан. – Симферополь, 2020. – 225 с.
  19. Чуркин, А. А. Мемуарно-автобиографическая проза С. Т. Аксакова: проблемы поэтики [Текст]: дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01 / А. А. Чуркин. – СПб., 2013. – 233 с.
  20. Шмелев, И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Въезд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика [Текст] / И. С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1998. – 512 с.
  21. Шмелев, И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Рождество в Москве. Роман. Рассказы [Текст] / И. С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1998. – 352 с.
  22. Шмелев, И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 6 (дополнительный). История любовная. Романы. Рассказы [Текст] / И. С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1999. – 512 с.
  23. Шмелев, И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 7 (дополнительный). Это было. Рассказы. Публицистика [Текст] / И. С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1999. – 592 с.
  24. Шмелев, И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 8 (дополнительный). Рваный барин. Рассказы. Очерки. Сказки [Текст] / И. С. Шмелев. – М.: Русская книга, 2000. – 608 с.

References

1. Borisova L. M. Publikatsii I. S. *Shmeleva v Sevastopol'skikh Gazetakh «Yug», «Yug Rossii»* [Publications of I. S. Shmelev in the Sevastopol Newspapers *Yug, Yug Rossii*]. *Krymskii Arkhiv*. Simferopol', 1994, no. 1, pp.125–127.
2. Borisova L. M., Dzyga Ya. O. *Prodolzhenie Zolotogo Veka: Puti Nebesnye I. S. Shmeleva i Traditsii Russkogo Romana* [Continuation of the Golden Age: The Ways of Heaven by I. S. Shmelev and the Traditions of the Russian Novel]. Simferopol': Tavricheskii Natsional'nyi Universitet im. V. I. Vernadskogo Publ., 2000. 144 p.
3. Dunaev M. M. *Pravoslavie i Russkaya Literatura: v 6 Ch. Ch. 5* [Orthodoxy and Russian Literature]: in 6 Chapters. Chapter 5. Moscow: Christian Literature Publ., 2001–2004. 780 p.

4. Esaulov I. A. *Prazdniki. Radosti. Skorbi. Literatura Russkogo Zarubezhya kak Zavershenie Traditsii* [Holidays. Joy. Sorrows. Literature of the Russian Diaspora as the End of a Tradition]. *Novyi Mir*, 1992, no. 10, pp. 232–242.
5. Esaulov I. A. *Kategoriya Sobornosti v Russkoi Literature* [The Category of Sobornost in Russian Literature]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo Universiteta, 1995. 287 p.
6. Lyubomudrov A. M. *Dukhovnyi Realizm v Literature Russkogo Zarubezhya: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev* [Spiritual Realism in the Literature of the Russian Diaspora: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 272 p.
7. Lyubomudrov A. M. *Ivan Sergeevich Shmelev. Biografiya* [Ivan Sergeevich Shmelev. Biography]. *Dukhovnyj Put' Ivana Shmeleva: Stat'i, Ocherki, Vospominaniya*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 9–20.
8. Makarova L. A. *Votserkovlennaya Rossiya v Khudozhestvennom Izobrazhenii I. S. Shmeleva: Malye Zhanry Prozy: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Churched Russia in the Artistic Image of I. S. Shmelev: Small Genres of Prose. Abstract of Thesis]. Moscow, 2007.
9. Orekhov V. V., Chzhan M. *Vokrug Sveta na Korshune: Vzroselaya Povest' dlya Detei* [Around the World on the Kite: Adult Story For Children]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*. Simferopol', 2019, Vol. 5 (71), no. 2, pp. 67–93.
10. Orekhova L. A. *Istoriya Professora Golubeva po Arkhivnym Dokumentam: Materialy Izucheniya Solntsa Mertvykh I. S. Shmeleva* [The Story of Professor Golubev according to Archival Documents: Materials for the Study of the Sun of the Dead by I. S. Shmelev]. *Nasledie I. S. Shmeleva: Problemy Izucheniya Izdaniya. Sb. Materialov Mezhdunar. Nauch. Konferentsii 2003 i 2005 gg.* Moscow: IMLI RAN Publ., 2007, pp. 356–367.
11. Orekhova L. A. *Solntse Mertvykh: Krymskii Tekst i Krymskij Arkhiv* [The Sun of the Dead: the Crimean Text and the Crimean Archive]. *Krymskii Tekst v Russkoj Kul'ture. Materialy Nauchnoi Konferentsii (Sankt-Peterburg, 4–6 Sentyabrya 2006)*. Saint-Petersburg: Izdatelstvo Pushkinskogo Doma, 2008, pp. 190–202.
12. Os'minina Ye. A. *Krushenie Kumirov* [The Crash of Idols]. *Dukhovnyi Put' Ivana Shmeleva: Stat'i, Ocherki, Vospominaniya*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 198–212.
13. Ryabushinskii V. P. *Detstvo i Otrochestvo Shmeleva* [Shmelev's Childhood and Adolescence]. *Dukhovnyi Put' Ivana Shmeleva: Stat'i, Ocherki, Vospominaniya*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 343–351.
14. Savina L. N. *Problematika i Pojetika Avtobiograficheskikh Povestei o Detstve Vtoroi Poloviny XIX V.: L. N. Tolstoi Detstvo, S. T. Aksakov Detskie Gody Bagrova-Vnuka, N. G. Garin-Mikhailovskii Detstvo Tyomy: Avtoref. Dis. ... Doct. Filol. Nauk* [Problematics and Poetics of Autobiographical Stories about Childhood of the Second Half of the 19th Century: Childhood by L. N. Tolstoy, The Childhood Years of Bagrov the Gandson by S. T. Aksakov, Childhood Themes by N. G. Garin-Mikhailovsky. Abstract of Thesis]. Volgograd, 2002.
15. Smirnova M. G. *Puti Zemnye* [The Terrestrial Ways]. *Dukhovnyi Put' Ivana Shmeleva: Stat'i, Ocherki, Vospominaniya*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 134–171.
16. Sorokina O. N. *Tvorcheskii Put' I. S. Shmeleva v Jemigratsii* [I. S. Shmelev's Creative Path in Emigration]. *Dukhovnyi Put' Ivana Shmeleva: Stat'i, Ocherki, Vospominaniya*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 60–87.
17. Cirulev A. F. *O Zhanrovoj Spetsifike Avtobiograficheskogo Tsikla N. G. Garina-Mihajlovskogo* [On the Genre Specifics of the Autobiographical Cycle of N. G. Garin-Mikhailovsky]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2015, no. 4 (46), part I, pp. 203–205.
18. Chzhan M. *Principy Tsikloobrazovaniya v Marinistike K. M. Stanyukovicha: Dis. ... Doct. Filol. Nauk* [Principles of cycle formation in K. M. Stanyukovich's Marine Science. Thesis]. Simferopol', 2020. 225 p.

19. Churkin A. A. *Memuarno-Avtobiograficheskaya Proza S. T. Aksakova: Problemy Pojetiki: Dis. ... Doct. Filol. Nauk* [Memoirs and Autobiographical Prose of S. T. Aksakov: Problems of Poetics. Thesis]. Saint-Petersburg, 2013. 233 p.
20. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii: v 5 Tomakh. T. 2. V'ezd v Parizh. Rasskazy. Vospominaniya. Publitsistika* [Collected Works: in 5 Vols., Vol. 2. Entrance to Paris. Stories. Memories. Journalism]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 1998. 512 p.
21. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii: v 5 Tomakh. T. 3. Rozhdestvo v Moskve. Roman. Rasskazy* [Collected Works: in 5 Vols, Vol. 3. Christmas in Moscow. Novel. Stories]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 1998. 352 p.
22. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii: v 5 Tomakh. T. 6 (Dopolnitel'nyi). Istoryja Lyubovnaya. Romany. Rasskazy* [Collected Works: in 5 Vols., Vol. 6 (Additional). A Love Story. Novels. Stories]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 1999. 512 p.
23. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii: v 5 Tomakh. T. 7 (Dopolnitel'nyi). Jeto Bylo. Rasskazy. Publitsistika* [Collected Works: in 5 Vols., Vol. 7 (Additional). It was. Stories. Journalism]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 1999. 592 p.
24. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii: v 5 Tomakh. T. 8 (Dopolnitel'nyi). Rvanyi Barin. Rasskazy. Ocherki. Skazki* [Collected works: in 5 Vols., Vol. 8 (Additional). A Ragged Gentleman. Stories. Essays. Fairy Tales]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 2000. 608 p.

THE MOTIF OF CHILDHOOD MEMORIES AND MEMORIES OF RUSSIA IN THE PROSE OF I. S. SHMELEV IN EMIGRATION

E. Y. Shestakova

This article reveals the features of the artistic embodiment of the motif of childhood memories and memories of Russia, which was widely developed in the works of the writer of the first half of the 20th century Ivan Sergeevich Shmelev. The analytical material of the study is presented by the stories *How We Flew*, *Spring Splash*, *Misha, Egg*, the essay *Christ's Vespers*, the novel *Nanny* from Moscow, related to the period of emigration and created by the writer in 1923–1936. The literary texts selected for literary analysis contain themes, images, and episodes, representing the motif of childhood memories and memories of motherland. Russian literature shows that this motif in selected works is particularly closely related to the images of childhood, Russian landscape, Russian people, Easter egg, the themes of the Orthodox faith and Easter, the motif of the resurrection, reflections on the meaning of human suffering and the significance of the revolutionary events in Russia. According to I. S. Shmelev, the theme of childhood is inextricably intertwined with religious issues. As a result, the author substantiates the conclusions that childhood memories and memories of beloved motherland presents to the writer an eternal value, which contains an immutable spiritual and moral significance.

Keywords: motif of memories, theme of childhood, image of Russia, I. S. Shmelev, works about childhood, image of a child, Russian literature.